

Угроза Фу Мяня, похоже, возымела действие: на следующий день Е Цзянь больше не кривил лицо и не фыркал при виде Тао Ляна, став заметно вежливее.

Вот только этот пацан оказался жутким хвастуном и показушником. Он целый день напролёт на своём ломаном китайском хвастался перед Тао Ляном своими игрушками:

— Это Трансформер, мне купил папа, он умеет превращаться в гоночную машину. Завидуешь, да?

— А это экскаватор, его тоже папа купил. На нём можно ездить по саду и копать землю. Хочешь прокатиться?

— А это костюм Человека-паука, мама купила! Я в нём убийственно крут, у тебя такой есть?

— ... — Тао Лян лишь отмахнулся:

— Отойди, ты мне телевизор загораживаешь.

Е Цзянь никак не ожидал от Тао Ляна такого полного равнодушия и с досады взял и выключил телевизор.

— Да ты просто втихаря завидуешь, признай! Если хочешь поиграть, ты должен поклониться и назвать меня старшим братом!

Вообще-то Тао Лян не планировал опускаться до разборок с карапузом, но, с другой стороны...

Он со всех ног бросился вверх по лестнице, притащил из комнаты целую охапку вещей и принялся одну за другой демонстрировать их Е Цзяню:

— Это мобильный телефон, который мне купил брат, по нему правда-правда можно звонить!

— А это фотоаппарат, который мне купил брат. Хочешь, я тебя сфотографирую?

— А это шапка, которую мне купил брат, а это шарф...

Е Цзянь снова полностью потерял самообладание. Зажав уши в полном отчаянии, он неистово замотал головой:

— Хватит, хватит! Ничего не хочу слушать! Не хочу!

— У-а-а-а! Брат мне в этом году вообще ничего не подарил! А в прошлом году на... на день рождения подарил какой-то дурацкий пазл, у-у-у! Он мне во-о-обще! Не! Понравился!

Е Цинхэ ушла по делам, а Фу Мянь занимался в кабинете на верхнем этаже на онлайн-уроке. Услышав этот невыносимый истошный рёв, он сразу понял, что Е Цзянь опять закатил истерику. Обеспокоенный тем, что Тао Ляна могут обидеть, он поставил урок на паузу и спустился вниз проверить, что происходит.

Тао Лян преспокойно сидел на диване, в то время как Е Цзянь стоял на коленях на ковре, колотил руками по полу и горько рыдал в три ручья, выглядя при этом самым несчастным ребёнком на свете.

— Что здесь происходит? — спросил Фу Мянь.

Тао Лэян поднял голову на Фу Мяня и с максимально невинным видом выложил всё как есть:

— Е Цзянь заставлял меня поклониться ему в ноги и назвать старшим братом.

Взгляд Фу Мяня мгновенно заледенел. В несколько шагов он подошёл к Е Цзяню и, смерив его сверху вниз леденящим душу взглядом, процедил:

— Е Цзянь, кого это ты заставлял кланяться и звать тебя старшим братом?

Е Цзянь рыдал так, что из носа текли пузыри, и сквозь всхлипы невнятно мычал что-то такое, чего Фу Мянь не смог бы разобрать и за целое столетие.

— Ах да, брат, — Тао Лэян будто только сейчас вспомнил кое-что ещё. Он слегка потянул Фу Мяня за одежду и нанёс сокрушительный удар:

— Е Цзянь ещё сказал, что ему не понравился подарок, который ты подарил ему на прошлый день рождения. Назвал его дурацким пазлом.

Услышав это, Е Цзянь в один миг перестал выть и в полном потрясении округлил глаза. Всё ещё распластанный на полу, он протянул дрожащий указательный палец в сторону Тао Ляна, задыхаясь от ярости и не находя слов:

— Ты... ты... да ты!..

Тао Лэян тоже ткнул в себя пальчиком и захлопал глазами:

— А? Я?

— А-а-а! Я вас ненавижу! — истошно завопил Е Цзянь.

Он вскочил с пола и, обхватив руками голову, в полном экзистенциальном кризисе улетел в свою комнату, с грохотом захлопнув за собой дверь.

В гостиной на несколько секунд воцарилась тишина. Тао Лэян и Фу Мянь переглянулись.

— Что делать? Е Цзянь, кажется, совсем с катушек съехал.

— Брат, сходи утешь его, скорее.

Фу Мянь неохотно нахмурился, но ради Тао Ляна всё же согласился.

Он подошёл к комнате Е Цзяня, постучал и сразу толкнул дверь.

Е Цзянь в это время забился под одеяло. Никто не видел, какое у него было мрачное лицо — он решил, что больше никогда в жизни не будет радоваться!

Малыш сжал кулаки и мысленно поклялся: отныне он не проронит ни слова, не станет ничего есть и уморит себя голодом! Пусть Фу Мянь и Тао Лэян увидят, на что он способен, и горько пожалеют!

Фу Мянь, скрестив руки на груди, прислонился к дверному косяку и окинул взглядом вздыбившийся холмик на кровати:

— Е Цзянь, вставай.

— Не заставляй меня повторять дважды.

Е Цзянь мёртвой хваткой зажал себе рот, чтобы не издать ни звука.

— Ну ладно, — равнодушно бросил Фу Мянь. — Тогда шоколад и мороженое из холодильника я полностью отдам Тао Ляню.

— Не надо!

Е Цзянь пулей скинул одеяло, прыгнул с кровати и во весь дух помчался на кухню.

Шоколад, шоколад! Мороженое, мороженое, мороженое!

Спустя две минуты Е Цзянь и Тао Лянь уже сидели рядышком на диване, уплетая мороженое и весело уставившись в телевизор.

Е Цзянь, у которого весь рот был в шоколаде, глуповато ухмылялся: до чего же вкусно! О своей недавней клятве он напрочь позабыл.

Тао Лянь протянул своё мороженое Фу Мяню:

— Брат, хочешь попробовать? Очень вкусное.

— Всё в порядке, ешь сам.

Е Цзянь тут же придвинулся ближе:

— Я хочу, я! Дай мне попробовать, вкусное ли у тебя ванильное!

С этими словами он широко разинул рот и с размаху откусил добрую половину от порции Тао Ляня.

— М-м-м... Объедение!

— ...

На следующее утро, когда Тао Лянь ещё сладко спал, его внезапно разбудил Фу Мянь.

Он безумно хотел спать, поэтому долго брыкался и ворочался, прежде чем наконец выбрался из-под одеяла. Но стоило ему приподняться, как его голова снова бессильно склонилась на Фу Мяня, и малыш сонно зарылся к нему в объятия.

Точь-в-точь как поросёночек, который упрямо штурмует кочан капусты.

— Брат, ну зачем ты меня разбудил, я так спать хочу...

Фу Мянь обхватил Тао Ляня ладонями за щёки и бережно развернул его голову к окну:

— Смотри, снег пошёл.

На улице едва рассвело. Снежинки неспешно и плавно кружили в воздухе, ложились на крыши домов, ветки деревьев и землю, укрывая мир за окном мягким белым пухом.

В городе А зимы редко бывали снежными, и за всю свою жизнь Тао Лянь ещё ни разу не видел настоящего снега (прошлую жизнь он в расчёт не брал).

Сон у Тао Ляэна как рукой сняло. Он мгновенно соскочил с кровати, прильнул к окну и, не мигая, уставился на падающие хлопья.

Фу Мянью достал из ящика стола цифровой фотоаппарат и навел объектив на ребёнка, застывшего у окна.

Щелчок – и кадр замер на время.

— Брат, а мы ведь пойдём потом на улицу лепить снеговика? Правда?

— Угу.

В доме повсюду жарило отопление, а вот за окном стоял суровый минус.

Сразу после завтрака Фу Мянью отыскивал тёплые вещи и принялся одевать Тао Ляэна. Натянув на него вязаную шапку, шарф и варежки, он снова превратил мальчика в кругленького пухлого пингвинчика, у которого наружу торчало только бледное, сияющее личико.

Тао Ляэну было даже тяжело шевелиться. Он тихонько вздохнул:

— А можно я не буду надевать на себя так много? Я же идти не могу.

Фу Мянью с каменным лицом щёлкнул его по лбу:

— Простудиться захотел? Будешь потом терпеть болючие уколы и пить горькие таблетки.

— Ой, нет, тогда не надо.

Здоровье у Тао Ляэна было так себе, к тому же дети в его возрасте легко подхватывают всякие недомогания. За те полтора года, что он прожил в доме семьи Фу, он умудрился переболеть богу весть сколько раз.

Каждая простуда затягивалась минимум на несколько дней, и без уколов и лекарств дело никогда не обходилось.

Тао Ляэн до ужаса боялся больниц, поэтому Фу Мянью каждый раз приходилось его уговаривать.

Вот только характер у Фу Мянью с самого детства был специфическим, и терпения надолго не хватало. Когда оно окончательно иссякало, он просто силой удерживал брыкающегося Тао Ляэна – зрелище, прямо скажем, напоминало забой свиней к Новому году.

А снег тем временем всё шёл и шёл – не сильный и не слабый, он уже успел покрыть землю ровным слоем.

Тао Ляэн утащил Фу Мянью во двор – катать снежные комья и лепить снеговика.

Пока Фу Мянью отвернулся, Тао Ляэн решил поозорничать: втихаря сгрёб горсть снега и запустил прямо в него.

— Ура, засада удалась!

— Тао! Лэ! Ян!

<http://bllate.org/book/21371/2295242>